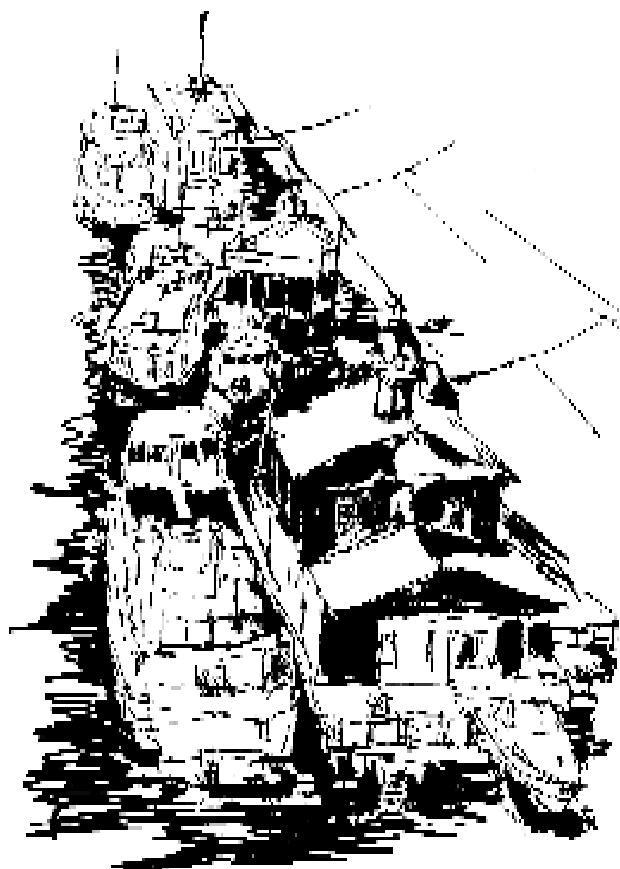

III

Р Д С Д Р

АДО В

Наброски дождя на оконном переплёте. Негромкое болеро 9-го маэстро. Кордебалет кленовых листьев, и куда-то зовущий кларнет прозрачно-неразгаданного ветра.

Книга седеющих трав и подмерзающих луж.

Утлое плавание в мире величавого запустения.

Дворник, подметающий осенний мусор на чьих-то нечаянных душах. Лепестки облетающих хризантем он ссыпает вместе с окурками в помойный бак своей литературы.

Он лепит внесистемного дракона из слов и словосочетаний, подобранных на задворках его территории.

Грустно. И куда-то уводит Осень. И мелькает пропущенный виток поседевшего текста. Кристаллы инея, осевшие на буквах, и позолота заката, сквозящая между строк. Перепутанность вечеров и рассветов. Захолустье небытия, обращённое в точки... Эклибрис листопада на титуле так и неизданного трактата. Трактата о возвращении в потерянный ноль. Ноль из остатков незатенённого Неба. Серебристо-голубой ноль с виньетками кучевых облаков...

Конечно же, можно построить интегральную кривую поэзии. Вывести закон исчерпания рифмы. Определить эпициклы волнующих тем... Но выпасть за построенную кривую, избежать давящего гнёта закона, остаться за пределами эпициклов. Для этого необходимо потеряться и... сохраниться. Сохраниться не только для громающего сейчас, но и для вдвойнегрохочущего завтра.

Лучший из путей — восьмеричный; лучшая из истин — четыре слова.

1. Вересень. Вода.

Ковчег. Прощальные стихи. Грехи на песке. Сдвиг пространства.

Последний гвоздь вошёл изящно и легко. Плот был готов. Замечательный плот о трёх брёвнах с рулевым веслом, с подвесным ложем, по форме напоминающим гроб, со специальными непромокаемыми ящичками для провианта и всевозможной хозяйственной утвари, с особой жёрдочкой для ястреба и даже с маленькой конурой для соломенной собаки.

Волны ласково постукивали о правый борт. Эсинский сидел на холодном осеннем берегу, насыпая зыбкий песочный холмик и шептал в осеннее пространство прощальные стихи:

Пора поверить собственному зову.

Понять про то, что невозможно знать...

.....

И будут снова зарождаться звёзды.

И будет начинаться вдохновенье.

И лёгкая оборванность полёта

Последнего осеннего листа

Когда-нибудь случится.

.....
*И нежные снежинки хрупких мыслей
Так бережно опустятся на берег
Ледком уже прихваченной реки
С названием: ПУТЬ.*

.....
*Я вышел ли уже, иль это только сборы?
Ведь не положены ещё ни соль, ни спички...
Моих дорог просторные соборы
Переполняются бунтующей молитвой.
И я вхожу.*

— Ну что же, ястреб, наступают холода. **И мы сейчас достроим этот холмик.** Оставим в нём все наши тяжкие грехи. **И уплывём под крышею сампана** в далёкие неведомые воды. На поиски ближайших островов... Нам нужно поселиться в море жизни на до сих пор необитаемой земле... **Я буду защищать тебя от ветра** и укрывать от лютой непогоды. Я научу тебя, как видеть тишину, я научу тебя, как нужно слушать звёзды, как песню можно ощутить руками и как почуять аромат луны...

Вперёд! На гребень волн и откровений! **За облачным волшебным колобком!**

Золотые волны осени подхватили небольшой плот, и он неслышно заскользил в разноцветном тоннеле из склонившихся ив и берёз. Ястреб распахивал крылья, сидя на своей жёрдочке. **Ветер застревал в отросшей бороде и развевающихся волосах** речного странника. И надвигалось на него всей своей массой густое, перекрученное, сдвинувшееся с места пространство.

2. Водовороты выбора

На реке. Непогоды. Сумерки года. Сумерки души. Кружение над миром. Морозящий дождь желаний. Плата за преддверие свободы.

Река несла узенький плот вперёд, постепенно расширяясь и набирая силу. Всё реже Эсинский пользовался шестом и в основном лишь направлял движение своего ковчега короткими, но сильными взмахами весла. В непогоду он приставал к берегу и часами лежал в своём просторном тщательно просмоленном, выложенном свежим сеном «гробу». Вспоминал свою странную жизнь, слушал рёв лосей и звон дождевых капель, разбивающихся о плот и о воду...

Ревуном и Дождезвоном называли сентябрь наши предки, Кисельником и Крутевертом они называли октябрь.

Сумерки года.

Сумерки души.

Осень.

Сердце проливается дождём непонимания и грусти.

Он возвращается...

Зачем? И для чего? Ужели только приближение зимы тому причиной?

Он возвращается в людскую суету. И смута сердца не даёт покоя... **Восходит солнце, и заходит солнце** и спешит, спешит к месту своему, где оно снова и снова восходит.

Идёт ветер к югу, и переходит он к северу..., кружится, кружится на ходу своём, и возвращается ветер на круги своя.

Зачем же, зачем возвращаться? Вернёшься назад, и Пути не будет. Не будет того Пути, по которому шёл...

Ну и что же? Ну и что же с того? Будет иной! Будет свежий заснеженный Путь... И если возникло в сердце твоём робкое желание возврата, то зачем же, зачем сопротивляться ему?

Но отчего же тоска? Отчего тоска и страх опустились в мою душу?

Отчего морозящий дождь?

И почему, предполагая некое верховное знание о мире, я не могу постичь такой малости — свои желанья?

И, собственно, куда же тебе плыть? Ведь небо и земля — извечно те же. Останься здесь, живи текущим днём, благославляя синее безбрежье... Будь чист, как ветер, неистощим, как море, и памятью насыщен, как земля... Чего искать, когда в тебе живёт великий трепет жизни всех народов?..

И это слово странное — Свобода... Оно берёт за горло, словно цепь. Оно одно способно запереть и смазать жизнь, подобно мокрой тряпке, стирающей решенья меловые с экрана моей аспидной доски. Оно не избавляет от тоски, но манит будущим и требует в уплату почти неуловимое «Сейчас».

Что ж делать мне? Я покидаю класс, в котором выучил теорию мгновенья... И хмурой осени дождливое волнение играет мне прощальный полонез...

3. Вне времени

Хляби небесные. Квадрат квадратов. Чернота чернот. Лабиринт сновидений. Тающие созвездия. Во чреве времени. Космическая тишина. Осеннее признание в любви.

Разбушевавшаяся река захлёстывала плот, и Эсинский чувствовал спиной и шеей, как где-то в двадцати сантиметрах от него плещется чёрная осенняя вода. Впрочем, вода хлестала отовсюду. Небо сошло на промокшую землю. Ветер пел свои древние гимны, подыгрывая на дождевых струнах небесной арфы. Деревья превращались в гигантские водоросли, а маленький гроб-ковчег, приютивший ястреба и человека, стал напоминать подводную лодку.

Казалось, мир опять сошёл с ума, настали дни Великого потопа. И только в тихой заводи души сверкало солнце.

*На сердце стало тихо и легко.
И чистый сон упрятал их от мира.
Упрятал от дождя и непогоды.
От чёрной ночи и слепой тоски...
Сон свежей осени подул на их виски
И вызвал легкокрылые виденья:*

Во сне ли, в яви ли, сиё не очень важно. Важнее то, что это было. А было вот что: Эсинский увидел перед собою чёрную квадратную доску — квадрат квадратов, черноту чернот (хотя, возможно, просто крышку гроба?)... Доска то приближалась, то удалялась, как бы выбирая наилучший фокус на хрусталиках глаз (а может быть, это была речная качка?). Потом, зафиксировав своё место в пространстве, она стала обрастать серебристыми планочками, из которых выстроился своеобразный лабиринт (или это привыкшие глаза рассмотрели структуру дерева?).

И вдруг в начале лабиринта вспыхнула первая Буква, и заструилась, заскользила по его каналам втекающая из небытия строка... Лабиринт превращался в поэтическую скрижаль... Слова обретали силу лабиринта. Строки танцевали

свой головокружительный балет: доходя до разветвления, они дробились на несколько смыслов, каждый из которых дробился на следующей развилке, поворачивал, снова впадал в утраченный на время родной поток, угасал в тупиках и протекал сквозь доску. Движение строк напоминало Время — Сквозное Время внутренних весов.

Через 12 или 70 мерцаний скольжения лёгких серебристых текстов застыло в некоторой псевдостабильности. И Эсинский смог хоть что-то попытаться прочесть:

Скользя по лабиринту сновидений, сквозь облака несуществующего дня, вдруг обнаружишь робкую соринку густого смысла...

Прошло ещё какое-то количество мерцаний, и лабиринт начал крошиться, рассыпаться на созвездия и звёзды, которые таяли, словно снежинки, и протекали на его лицо...

От прикосновения растаявших созвездий Эсинский, видимо, и проснулся, очнулся, осознал сам себя, вернулся в реальный мир, который, впрочем, ничем не отличался от видений. Густая чернота клубилась перед ним, и было так тихо, что, казалось, исчезло, растворилось само Время. Он как бы оказался внутри, во чреве времени. Во времени вне временных вещей... Стояла божественная «мёртвая» Тишина. Именно такая, про которую он читал в далёком-далёком детстве. Он тогда ещё всё удивлялся, не понимал и уличал язык в неправильности; ведь если тишина умерла, то она должна наоборот шуметь и грохотать.

— Вполне возможно, что лабиринтное расстройство сознания порождает расстройство слухового лабиринта? — подумал Эсинский. Вполне возможно, что исчез не мир, а слух и зрение...

— На самом-то деле проверить это, конечно же, совсем несложно. Достаточно произнести какое-нибудь слово или хотя бы просто постучать..., но было бы кощунством и капризом — ломать космические волны тишины. Не лучше ли уснуть? Не лучше ли проснуться ещё раз? Без...

Но в этот миг на мир спустился звук. Вернее, шорох. Весёлый шорох ветра о траву. Шептание травы, воды и неба.

Откинув крышку, Эсинский увидел... Осеннее признание в любви. Движение облаков, кружение листьев и тихое скольжение реки...

— Ну просыпайтесь, просыпайтесь, ястреб, грешно, поистине грешно проспять такое утро.

Прошли тысячелетия и миги, сместились мировые расстояния..., но всё ещё, проснувшись на рассвете, после того, как бушевал осенний вихрь, «прочёсывающий травы на полях», повсюду видишь те же самые картины. Картины грустной тишины и беспорядка. И жёлтый лист — воздушная лошадка, подхваченный остывшим за ночь ветром, к тебе доверчиво ложится на колени. И облаков простуженные тени стекают к ногам. И ты, прохваченный насквозь осенней грустью, склоняешься к октябрьским богам...

4. Возникновение водорослей

Зелёный тупик. Мостик для мышей и белок или завод? Способы форсирования водных преград.

Через шесть дней после того, как Эсинский оставил свой лесной приют отдохновения и покоя, он наткнулся на следы цивилизации. И эти следы поставили его мозг, а также и плот в тупик.

Поперёк реки был протянут стальной трос, на который нанесло плотную массу неизвестно откуда взявшихся водорослей.

Назначение сней колыхающейся конструкции не поддавалось сколько-нибудь разумному объяснению. «Возможно, — подумал Эсинский, — это специальный водорослиевый мостик для мышей и белок, но тогда надо предположить, что он попал в края поэтов или

членов общества охраны грызунов. Гораздо реальнее допустить, что эти водоросли — дальние родственники морской капусты, а ниже по реке стоит маленький водорослеобработывающий заводик. И, однако, зачем бы и для чего бы они тут ни были, но как же преодолеть эту зелёную преграду? Отвязать трос и плыть в обнимку с этим травяным островом? Но не исключено, что остров этот действительно кому-то нужен и освобождение его от цепких пут стального троса не вызовет восторженную реакцию собирателей речного «планктона». Попробовать пробраться волоком? Устроить обводной канал? **Придётся к ковчегу какой-нибудь плуг** и вспахать эту странную переправу? Или переташиться на руках, в конце-то концов?..

Пожалуй, лишь последнее достаточно реально: разобрать свой ковчег по брёвнышкам, по ящичкам и потихонечку, полегонечку. Благослови, Господи, труды наши праведные!»

*Островок крутой
остановит меня в пути,
Берега реки
мою лодку спасут в грозу.
Поднялась река,
переправы для лодки нет...*

5. Ветви виноторговли

Четвёртая запруда. Встреча с рыболовом. Красное и белое. Мокиша.

«Должно быть, всё-таки это завод, — подумал Эсинский, обнося в четвёртый раз вставшую перед ним запруду из водорослей, — поскольку поэтический мост хорош в том случае, если он один, а здесь уже пахнет промышленными масштабами. Будь они неладны, эти гадские гати! А впрочем... впрочем, зачем же так сердиться на эти странные препятствия, поднявшиеся со дна речного? Возможно, они ограждают меня от грядущих бедствий, а я, нечувствительный к проявлениям судьбы, всё лезу, лезу — напролом, в обход, в обнос. Куда? Зачем? Какого лешего мне надо? Когда перед тобой стоит преграда, сто раз подумай, прежде чем идти, а если уж пошёл, то не гунди. Тем более, что некуда спешить. Ведь и не двигаясь, мы продолжаем жить...»

И тут он увидел рыболова.

Язык, уже отвыкший от общения с себе подобными, тщательно подбирал слова для приветствия и не придумал ничего умнее (а умнее и в самом-то деле, пожалуй что, не придумаешь), как спросить:

— Ну, и как оно?

— Да ить это с какой стороны посмотреть? Ежели в смысле погоды или душевного равновесия, то очень даже вполне. А ежели касательно рыбы или другого какого промысла, то как бы и не очень вполне. А вы, стало быть, путешествуете?

— Ну это, пожалуй, тоже как посмотреть.

— Дело понятное. Ну, там вот пониже, километрах в шести приблизительно, Иваньково будет. Там можно бельенного купить. А ежели к красненькому интерес имеется, тогда надить в Дробники иттить, это километра два, но в сторону от реки, а в Иванькове красного отродясь не было. Не пьё мужики там красное, а тогда и зачем же возить-то его, если не пьё? Вот Авдотья-то и не возит красное-то.

— Вон оно как! Не пьют, значит, мужики.

— Не-е. Не уважают. Градуса, говорят, маловато.

— Хм. А бабы что же, тоже не пьют?

— Зачем не пье? Бабы от красного завсегда не откажутся. Но ить она, баба-то, клиент нерЕгулЕрный, а когда день рожденья там или, например, 1 мая, то ничего с ней не станется, может и в Дробники сходить, а не хочет ходить, так ить и белого выпье, подумаешь, важность какая, чай, не министерша.

— А в Дробниках мужики красное пьют?

— Зачем пье? В Дробниках мужики тоже белое пье.

— Ага. Значит, там Иваньково, там Дробники, там белое, там красное. А что, батя, как же речка-то у вас называется?

— Дык, ить — Мокша, как ей ещё называться-то?

— Вон оно как! Неужели Мокша?

— Знамо дело, Мокша. А ты что же это, с Луны что ля тут свалился, если не знаешь, по какой речке сплавляешься-то?

— Да нет, скорее всего я с Земли свалился.

6. *Vanellus vanellus* (*Viva vox*)

Осень в заводи. Лунный хмель. Беседа с чибисом. Небесные плотгоны. Чьи-вы? Осенняя ниша счастья. Интонация жизни.

Остались позади Иваньково, где торгуют исключительно белым, и Дробники, где можно купить и красное. Остались позади и четыре заноса из водорослей, о происхождении которых Эсинский забыл спросить у рыболова, а в магазине, покупая провиант и водку, узнать постеснялся. Остались позади десятки отмелей и сотни поворотов, и множество мыслей, и строки стихов...

И наступил тихий осенний вечер в речной заводи со скромным пиршеством из водки, лука, колбасы и хлеба.

Лунная дорожка пересекала заводь, забытый хмель пересекал сознание. И поздний чибис где-то неподалёку, должно быть, перпутав осень и весну, всё спрашивал и спрашивал: «Чьи-вы? Чьи-вы? Чьи-вы?».

— *Мы сегодня ничьи! Мы сегодня гуляем!*

И восьмой луны плот в небеса отправляем!

Мы читаем стихи облакам и драконам!

Мы сегодня ничьи, мы — небес плотгоны!

— Чьи-вы-бы-ы-ль? Чьи-вы-бы-ы-ль? Чьи-вы-бы-ы-ль?

— Чьи были? Да тоже вроде, как бы и ничьи. Просто однажды один человек, прослужив в одном институте четыре года, вышел в последний день пятой луны, на исходе часа дракона, дабы, не мешкая, сдать полугодовой отчёт в вышестоящие инстанции. Но был по дороге встречен искусителем господином Михеичем, который пригласил его полюбоваться положением солнца, попадающего в арку старого дома. Однако вмешательство небес не позволило им насладиться чудесной картиной. И пришлось им прятаться в той самой арке от холодного дождя, заменяя пропавшее солнце костром и портвейном... Дальнейший же путь этого человека был тернист, неспокоен и отчасти ему неизвестен. Сокращая пустые слова, можно вот что сказать о нём:

Однажды вышел из дома поэт,

Не зная, впрочем, куда.

И вот он в заводи под луной

На ветер бросает слова.

— Чьи-вы? Чьи-вы? Чьи-вы? Чьи-вы?

— Ну что я могу сказать ещё?

*Я просто маленький, уставший человечек...
Затерянный в октябрьской ночи.
Наверно, было б мне спокойнее и легче,
Когда б я знал — хотя б на миг — мы чьи?*

.....
*Но чей, скажите, звёздный небосвод?
Чьи с гор бегут весенние ручьи?
Кто? Кто? хозяин этих гор и вод?
Ответь хотя бы ты мне — чибис.*

— Чьи-вы? Чьи-вы? Чьи-вы? Чьи-вы?

— Послушайте, ястреб, может быть, вы объясните этой **глупой пигалице**, что свободный человек, по определению, — ничей. Что мы, как кошки, — живём и гуляем сами по себе... Понимаете, чибис, на самом-то деле, я далеко не уверен в своём начале и уж тем более не уверен в конце. На самом-то деле я хрупкий, растерявшийся, оглушённый мировыми событиями человечек. Человечек, заблудившийся в мире грёз и в мире реалий... Но вот предо мною осенний вечер, вот луна, перечеркнувшая тихую заводь, вот хлеб и колбаса, немного водки. И этого достаточно! Я как бы попадаю в осеннюю нишу счастья. Я беседую с птицами и облаками. Подхваченный вечерним октябрьским ветром, я слагаю стихи. Я слагаю стихи, не заботясь о форме и глубине, поддаваясь минутному порыву и опьянению...

*Дотронусь до луны в ночных холодных водах,
Я пьян от тишины, и на душе покой...
И лишь безмолвная осенняя природа
В лесной глуши беседует со мной...*

— Чьи-во? Чьи-во?

— Чего-чего! Стихи, вот чего...

Да вы простите меня, чибис, это я так — дурачусь. На самом-то деле, с чего это я взял, что Вы меня не понимаете? Ведь из того, что я не понимаю Вас, совсем не следует обратное. Хотя, быть может, даже я Вас понимаю. Ведь музыка и пение не нуждаются в переводе. И волна счастья, выраженная свистом, криком или стихом на всех языках означает одно и то же. **Ведь главное сокрыто не в словах, а в интонации.** Именно в интонации сохраняется то, что по всем законам универсума просто не должно сохраняться. А впрочем, зачем все эти объяснения, если существуют стихи и звёзды? Вы слышите, как бьётся пульс стиха? Как строки просятся в вечернее пространство? Они пришли сюда, возможно, сквозь века. И основали здесь языческое ханство... А что же я? Где место среди них? Всегда отыщется. Лишь нужно подчиниться. И вот уже уходит новый стих в ночное небо, как ночная птица:

*Как будто снова заблудился в шуме
Осенних листьев и прозрачных дней.
И лёгкий стих, дремавший накануне,
Бежит вольней!
И мой приют в эпической лагуне
Среди мифологических теней
Как будто снова отыскался в шуме
Осенних мыслей и прозрачных дней!*

— Чьииив! Чьииив! Чьииив! Чьииив!

— Ну, наконец-то, ты, по-моему, доволен! Немного выпьем за Луну! И ляжем отдыхать. Избыточность вредит отдохновению. Всегда и всюду, чибис, предпочту безбрежной вечности расхожее мгновенье.

7. Вокруг водорослей

Поверх причин и целей. Поворот. Водный трактор. Застолье на палубе. Нильская культура. Как положено.

*— День и ночь на воде...
я от вечных скитаний устал...
Красота этих волн и ветров неподвластна
словам.
Острова над водой...
моё сердце летит к облакам.
Одинокое солнце
одинокую греет планету.*

Набрякшее небо. Набрякшие серые мысли. Осеннее окружение из хмари и хляби... Сумеречные ландшафты твоего подсознания освещены полдневной луной... Но в душе... В душе твоей солнечно. Как неожиданна собственная душа! Она бредёт поверх причин и целей! Распахивая сердце горизонту и улыбаясь пролетевшей чайке, она одна спускается в долины и поднимается на горные хребты. Она одна смеётся и ликует, и над Землёй проносится звездой, и в радостном восторге торжествуя, среди вселенных выбирает путь...

Когда спускаешь по неизвестной речке — смысл жизни становится прост и ясен. Скользить сквозь осенённое пространство, вбирать в себя дыханье ветра и воды, читать стихи залётным ястребам и наблюдать береговой пейзаж... Скользить сквозь нависающие ели, сквозь позолоту клёнов и берёз, скользить, не ведая, что принесёт тебе манящий и зовущий поворот...

А поворот (один из поворотов) принёс ему разгадку подводных трав, подвешенных на тросы:

Сначала просто доносился шум, потом дымок, потом... к нему из-за песчанной мели навстречу вышел... самый что ни на есть настоящий, блестящий, гремящий, стучащий, пускающий дым, нагоняющий волны ВОДНЫЙ ТРАКТОР!

По всей видимости, трактор был сотворён каким-нибудь местным Кулибиным, соединившим старый колёсный буксирчик с сенокосилкой.

За штурвалом стоял бородатый морской волк в тельняшке и что-то кричал своему помощнику, возившемуся сзади у каких-то рычагов.

Трактор молотил по тихой реке своими колёсами и... к о с и л   в о д о р о с л и .

Эсинский настолько был ошарашен тарахтящей конструкцией, что не нашёл ничего умнее, как пробормотать про себя шуточные стихи любимого писателя:

*Когда-то я скотину пас,
В лугах ромашки рвал.
Теперь держу в руках компас,
Держу в руках штурвал...*

Ничего не понимаю? То ли мир сошёл с ума, то ли здесь и в самом деле есть завод по переработке «планктона»...

— Эй, на палубе, лом не проплывал!

Всё на проверку вышло гораздо проще. А моторист Дробников и механик Иванов оказались мировыми ребятами.

Они славно устроились на открытой палубе диковинного трактора. Эсинский выставил оставшуюся поллитру водки и кружок колбасы, а водяные комбайнёры — банку чистейшего самогона, ломоть копчёного сала, картошку в мундире и огурцы.

Выпили сначала, как полагается, за знакомство, потом за погоду, потом за реку и только после третьего стакана завязался у них непринуждённый разговор, которого требовали незримые **законы семантической кухни** — о водном сельском хозяйстве, о грядущих перспективах, о жизни...

— Стало быть, вы тут водоросли косите?

— Да это ить трактор косит, а мы тут так — управляем себе помаленьку.

— А зачем? Зачем же вы её косите-то?

— Дык, ить как же зачем? Чтобы, значить, речка не зарастала! Маленькую речку никак нельзя не косить — обмелеет.

(«С ума сойти можно! Если в нашей стране крестьяне косят реки, для того чтобы они не мелели, значит, мы выплывем! Значит, не всё потеряно! Значит, у нас есть великое будущее! Это же надо додуматься — косить водоросли!» — Эсинского прямо-таки распирало от удивления и от гордости за свою непредсказуемую страну.)

— Ребята! За это надо выпить! Это!.. Это!.. Это — просто праздник какой-то! Надо же до чего додумались! Давайте, мужики, — за вас!

— Дык, давай выпьем, конечно, только что же тут такого удивительного-то? Испокон веку на этой посудине тархтели.

— Да не-е, конечно, ничего удивительного. Удивительно другое! Удивительно то, что другие речки не косят. Я же, мужики, пол-России на байдарках прошёл, а вот чтобы речку косили, нигде не видывал!

— Неужто пол-России?

— Неужто не косят?

— Ну, пол, не пол, а четверть точно прошёл, и нигде не косят... Нда-а. Уф — хорошо пошла. А-ахх... А зачем же вы покос-то свой тросами тормозите? Ведь получается, из-за этих плотин — не пройти, не проехать.

— Ну это с плотом твоим — оно, конечно! Как ты ещё перебирался-то там, непонятно? **Так ведь таких путешествующих, как ты, у нас уже не стало.** Опустели водные дороги. А наши-то плоскодонки рыбацкие, да это для них раз плонуть.

— Но зачем?

— Дык ить, как же зачем? Вешние воды когдыть разольются, они всю водоросль на луга вынесут, а это ить удобрение — лучшего и не сыщешь.

(Эсинский был сражён: «Плодородный ил! **Нильская культура в центре России!** Это же чёрти что, вообще!»)

— Фантастика! Ну, порадовали, мужики! Ведь надо же до чего додумались!

— Дык ить, завсегда так было. Чего тут больно додумываться-то?

— Было-то, было. Мало ли чего у нас было. Но вы сохранили! Вы традицию, культуру хозяйствования сохранили! Вот что здорово. Ведь мы же всё вперёд и вперёд: компьютеры, бля; ракеты, там; самолёты; бомбы. А вот чтобы мельницы сохранить, водоросли подрезать, вот об этом-то, об этом-то как раз и забыли.

— Зачем забыли? Мельница у нас работают. Почто же нужно лишнее электричество тратить, если можно задарма зерно намолоть?

— Неужели и мельница?

— Ну это уж, как положено.

(«Как положено... Вот оно оказывается — как должно быть положено: косить свою маленькую речку. Молоть хлеб на мельнице. Пить самогон из гранёных стаканов. Закусывать копчёным салом и картошкой в мундире. Никуда не спешить. И любить свою землю, своё небо и ветер, и воду...»)

8. Внутренняя внешность

Тревога за счастье. Вечерний коктейль. Сумеречное блаженство. Поломанный палец. Концентрическая тьма. Круги Луллия. Расшифровка странствия. Голос у керосиновой лампы. Рассказ о смертельном огурце. Рассказ о трактористе-подводнике. Предпочтительность жизни.

Осенний день недолог. И распрямившейся душе не хватает осеннего дня. И это угасящее небо лишь подчеркнуло контуры тревоги. Тревоги за кончающееся счастье.

И если жизнь всего лишь странный эпизод материи, то этот эпизод поистине прекрасен... Но можно ли считать её всего лишь эпизодом? Возможно, жизнь — как раз и есть то самое «Божественное решение» для загадки по имени человек, а вовсе не наоборот...

Заходящее солнце рассыпалось розовыми переливающимися лужицами на вороном оперении вечерней реки, на облупившихся колёсах пароходика, на старой выдавшей виды палубе и даже на литровой стеклянной банке с остатками самогонки.

Эсинский выпил этот странный вечерний коктейль с лучистым привкусом осеннего заката и растворился вместе с ним, всё глубже и глубже погружаясь в тёмные потоки сумеречного блаженства.

— Спокойно на сердце,
заботы меня не тревожат.
В согласии с истиной мудрой теперь я пребуду всегда...
Я эти стихи
посвящаю отшельникам здешним:
Быть может, они
принесут мне немного вина...

Но отшельники не слышали поэтических призывов страждущего поэта. Отшельники боролись на руках, а, вернее, на пальцах. Решался стратегический вопрос: кому надлежит немедленно отправляться к бабке Пелагее за непременно добавкой? Дробников был явно сильнее, но Иваньков тащил всем своим существом и упрямством. Хлипкий стол под ними подозрительно кряхтел, скрипел, шатался и... наконец-то, сломался. Правда, не стол, а палец!!! Иваньков удивлённо смотрел на странно висящий и совсем непослушный палец, укоризненно качая головой:

— Надо же — гнида какая! Сломался! Это, пожалуй что, тебе, Дробник, придётся к Пелагее идти. Куды ж я с таким пальцем-то? С таким пальцем я ведь могу и вовсе до Пелагеи не дойти! С таким пальцем надо в лазарет, а не то чтоб куда-то.

— Что ж ты на руках, что ль, идти-то собрался? Ох и хитрый же ты, Ванёк, ну просто никакого спасу на тебя не хватит! Ладно уж, сиди тут, шалопутный, да смотри, чтобы турист в воду не упал, а то ещё потонет на ночь-то глядя. Ищи его апосля-я.

Дробников накинул на плечо маленький пустой рюкзачок и спрыгнул с пароходика на слегка покачнувшийся берег. Тьма впитала в себя его могучую разлапистую фигуру и свернулась клубком у ног утомлённого Эсинского. Тьма была тьмой. И ещё была она кошкой. И ещё тьма была зарождающейся вселенной.., эдаким перетеканием мира извне вовнутрь, ибо давно известно, что внутреннее зрение становится острее по мере того, как угасает зрение внешнее.

Тьма курилась среди серебристых облаков густым спиралевидным фиолетом, вращалась в робком танце рождения, пытаясь попасть в резонанс соответствий, и, наконец, выстроилась пятью концентрическими кольцами, заполнив собой почти всё небо. Каждое кольцо наполнилось словами, и концентрическая тьма стала напоминать машину для поиска Истины.

Эсинский затормозил беззвучное вращение кругов тьмы ломким лучиком трепетной мысли и попытался прочесть тёмную Истину, идя по диаметру сверху вниз. Слова застыли в непонятный столбик:

СТРАНСТВИЕ
ДВИЖЕНИЕ
ПРОСТРАНСТВО
БОГ
ОГРОМНОСТЬ
НАЧАЛО
ПЕСНЯ
НЕБО
ЗВЕЗДА
ЛАДОНЬ

Возможно, это означало, что: Странствие — это движение по пространству Бога, это огромность начала, песня неба и звезда на ладони. А может быть, что: Странствие — это движение пространства сквозь огромность Бога, сквозь начало песни, сквозь звёздное небо и растопыренную ладонь. Или: Странствие — это движение огромного божественного пространства, начинающееся со звёздной песни ручного неба. Или же: Странствие — это движение огромного звёздно-небесного изначального божественного пространства, которое способно свернуться клубком на твоих ладонях... Не исключено, что речь здесь вообще не о странствии, но, наоборот, О Боге, пространстве начале, или о любом другом из оставшихся девяти понятий. Возможно, расшифровка должна звучать так: Начало — это огромное странствие, это божественное движение, это песенное пространство, это холодные ладони звёздного неба... Или: Бог — это песня странствий и движение пространств, это начало огромностей и ладони звёзд, это небесные начинания и странные двигатели, это изначальные подпространства и пространственные громы...

Тьма потихоньку уменьшалась, стекаясь к НАЧАЛУ и постепенно **превращаясь в огонёк керосиновой лампы** и мерный голос пострадавшего Иванькова.

— **Пострадал, Иван, пострадал...** Тут уж нечего сказать — пострадал!.. Доигрались, бя!.. Ударили пальцем о палец!.. Вон оно к чему, баловство-то, приводит!.. Ить это что ж получается?! Эоть как же я теперьча на гармонии-то, а-а?.. Вот ты, Олежка, чек образованный, ну скажи, рази ж так можно?

— А где Дробников-то девался? — промышчал ещё не оклемавшийся до конца Эсинский.

— Да энтой Дробине палец в рот не клади!.. Тут уж вона оно... Ты поглянь, что натворил-то, курвец! Как же на гармони-то теперича?.. Как говорится, попили пивка! Вот ить она — жизня-то наша грешная... Да хорошо, что палец, а так ить что? Всё ж таки живой остался!.. Живому оно как-то лучшее, прально говорю, а-а? Он ить как у нас намени, Паша-то лямой, помер... Да-а... Огурцом, говорят, захлебнулся... У нас в этом годе огурцы дюже сочные уродились. От он брызнул ему видать не в то горло — Паша-то лямой и захлебнулся, за собственным, как говорится, столом и представился... А дед? Дед-то, Ефграфыч! От ить живуч, старикан! Он у нас у прошлом годе на тракторе ехал... Ага... И упал. В речку упал. Вместе с мостом и упал. Мост-то старый уже, конечно, был. А Ефграфыч домой торопился, потому как он водку доставлял. Его мужики за водкой послали, а он, понимаешь, в речку... Ага... Ну, провалился, конечно. Да его вдобавок сваями завалило. А место-то там не мелкое... Там не то что трактору, там и комбайну с головкой будет... Ага... Так другой бы на его месте, конечно, бы захлебнулся или просто от страху бы помер. А Ефграфыч — не-е. Ефграфыч бензиновый шланг в дырочку пропихнул. Аккурат ему до воздуху шлангу хватило... Ага... И через шланг, стало быть, кислородом дышал.

Только иногда и отрывался от этого дела, чтобы водочки, значит, выпить... Там и нашли его мужики-то, пьянушего, конечно, но зато живого. Живому-то оно всё одно лучше... А Паша-то лямой, вона вишь ты как!.. А палец, что? Подумаешь, палец. На гармони, наверное, и трема приспособиться можно. Как думаешь, Олешка, можно приспособиться?

— Ой, что-то я перебрал немного. Круги какие-то перед глазами, слова... А где Дробников-то?

— У тебя хоть слова. А у меня уж и слов-то нет, одни буквы...

— А где ястреб-то?.. Ох, Иван, что-то мне как-то хорошо слишком! Так хорошо, что даже блевать не тянет. Это сколько же мы тут уговорили-то, а?

— Да грамм по восемьсот-то съели, наверное. А Дробина и все девятьсот, наверно, уел. Да ему хоть и ещё столько же, чего ему, стоеросовому, сделается?

— А пожрать-то у нас ничего не осталось? Что-то я проголодался, что ли, или просто есть захотелось?

— Сча Дробина вернётся, на рыбалку поедем. Дробина смолы обещал захватить. Лодку возьмём и поедем.

9. Введение в воды

Охота на рыб. Подводный ягуар. На грани тьмы и света. На грани воды и воздуха. На грани ухи и смерти. Тепло костра и самогона. Непривязанность мыслей. Мелодии дыма и ветра. Охотники на заиндевелой траве. Пробуждающиеся стихи.

Вдоль самого берега беззвучно скользила лёгкая лодка. На носу её был приспособлен бушприт, на котором ярко горел просмоленный ящик из-под портвейна. Иваньков аккуратно подгрёбал, оставив в сторону поломанный палец. Дробников вздымался над миром серой громадой, держа на-изготове блестящую острогу. Он был похож на древнего языческого бога, спустившегося на Землю, дабы покарать свою расшалившуюся без строгости паству. Ночная тишина усиливала случайные звуки, и хлопанье крыльев взлетающих уток напоминало полёт валькирий, а всплески рыбы были похожи на удары бича самого Вельзевула.

Ящик-факел высвечивал полосу прибрежного ила, среди которого дремали окуньки и плотвички, временами встречались и плоские подлещики, и похожие на детскую сабельку подвязки, и скрюченные маскирующиеся среди коряг налимчики. Вся эта мелочь не волновала могучего воина, не на неё он точил остриё своей остроги... Но вот, словно молния, метнулась она, вздымая тысячи брызг, и в воздухе затрепетала **огромная пятнистая щука**, словно подводный ягуар, пронзённый во сне ночным охотником. Лодка накренилась, едва не зачерпнув правым бортом. А щука, прочертив в воздухе **эвольвенту окружности от контуров света**, плюхнулась на хлипкое дно. Иваньков, забыв о своём боевом ранении, чертыхаясь, колотил речное чудовище якорем по голове. Эсинский, весь дрожа от охотничьего азарта, пытался ухватить этого монстра под жабы. А Дробников, с трудом удерживая свою добычу, изо всех сил прижимал острогу ко дну лодки. Силы были явно неравными и, наконец, ... лодка не выдержала и раскололась чуть ли не пополам. Холодная вода накрыла Эсинского с головой, в его руках билось в предсмертной агонии подводное чудовище, обретшее новые силы в родной стихии. Оно тащило его в ночные глубины, и, если бы не вовремя подоспевший Дробников, то дело могло бы кончиться не ухой, а смертью...

Огромный костёр из дубовых брёвен приятно согревал после ледяного купания. Горячая самогонка перекачивалась по всем жилкам, блаженно размягчая душу и тело. Над костром висел шестилитровый котелок, наполовину заполненный щучей головой. Обезг-

лавленное тело было нанизано на стальной прут и, обмазанное крупной солью, мерно поджаривалось прямо напротив Эсинского.

*Знал я всегда, что свойственно телу
К огню, словно бабочка, устремляться...*

*Лёгкость в теле моём и чистота беспредельны!
Свежесть — только в этом и есть счастье!
Если радость с каждым днём возрастает,
То рождается непривязанность мыслей.*

*И тогда понимаешь уже свою руку,
Похожую на рыбу, попавшую на крючок рассудка...*

Эсинский сидел в тепле и полудрёме, прижавшись спиной к оソロевшему Иванькову, и наблюдал сквозь дым и воздух, как великан Дробников расправляется с копчёной щукой и запотевшей банкой самогона. Движения его были точны и неторопливы, словно он всё ещё продолжал свою охоту на речную дичь. Насытившись, Дробников достал из кармана телогрейки тростниковую дудочку... Или это была свирель? Или сон, навеянный дымом костра? Или просто осенние грёзы? Маленькая дудочка казалась тростинкой в руках исполнина. Она непременно должна была бы сломаться, растрескаться, рассыпаться на кусочки. Но, вопреки ожиданию, этого не происходило, и, наоборот, откуда-то из самых глубин естества на свет костра врывались звуки осенних мелодий. Дудочка была послушна и нежна, словно робкая газель, объятая гребнезубым мастодонтом...

Осень! Осень настала!.. И от инея поздней порой поседеют последние травы. Так наполним печальные чаши молодым и зелёным вином!.. Осень! Осень настала! Запылают, как будто в огне, опьянённые осенью клёны. Друг мой мудрый! Забудем печали! Я спою, ты на флейте сыграй! **Осень! Осень настала!** Засыпают ежи под листвою. И охотники после скитаний молча греются у костра.

И ветер врывается полночной токкатой, сквозя чрез облетающие ивы, чрез рога загрустивших лосей, чрез крупницы соли, которую сложили лесные **зодчие музыки** — егеря...

Долгий осенний рассвет застал триединый холмик из утомлённых охотников, осыпанный золотистой листвою, серебристым пеплом и алмазной пылью ломкого инея... Солнце разламывало горизонт на тягичи ветров и вдохновений... Чья-то непослушная рука пыталась дотянуться до банки с налётом росы и остатками самогона... Уха переродилась в заливную рыбу... Ужи и змеи готовились к зимней спячке... Туман пронзали ещё не проснувшиеся стихи...

*О солнце! На сосуд скудельный мира
Бросаешь ты прощальный слабый луч...
И мёртвая листва на крыльях ветра
Уносится неведомо куда...*

10. **Viviparus viviparus**

Устье большой реки. Огни бакенов и самоходных барж. Северный ветер. Дымы провинциального городка. Место рождения. Пристань. Первый снег.

Однопредсердные лужанки зарывались на зиму в речной песок. Там, в маленькой песчаной берлоге, они готовились к продолжению жизни.

С неба падали мокрые хлопья первого снега.